

Леонов Иван Сергеевич

ПОЭТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЯ АРХИМАНДРИТА ТИХОНА (ШЕВКУНОВА) ""НЕСВЯТЫЕ СВЯТЫЕ"" И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ"

Статья посвящена произведению архимандрита Тихона (Шевкунова) ""Несвятые святые" и другие рассказы", анализ которого впервые основан на выявлении и исследовании специфики двух повествовательных уровней: биографического и церковно-метафизического. Первый уровень отражает сложный характер психологических и духовно-религиозных изменений человека, переступившего границу секулярного и церковного пространств. Второй связан с анализом структуры монастырского мира и включает ряд микроуровней: старческий, монашеский, послушнический, начальственный. В результате автор статьи приходит к выводу, что оба пласта находятся в неразрывном единстве: погружаясь в мир православной общины, повествователь утрачивает сосредоточенность на собственных переживаниях и начинает воспринимать себя частью единого монастырского пространства. Важным фактором, скрепляющим биографический и церковно-метафизический уровни, становится двуплановость, свидетельствующая о психологических и метафизических конфликтах, возникающих в процессе перехода персонажей от секулярного образа жизни к религиозному.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 2. С. 35-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ON THE PROBLEM OF THE AUTHOR IN A DRAMATURGIC TEXT
(BY THE MATERIAL OF THE PLAYS OF I. M. GOGOLEV)

Kirillina Mariya Afanas'evna, Ph. D. in Philology
*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
makirillina@mail.ru*

The article poses the problem of the author in the drama by the material of the texts of the national writer of Yakutia I. M. Gogolev (Kyndyl). The author's creativity is considered as "poetic dramaturgy", "dramaturgy of the poet", which is due to the peculiarities of the author's position, the originality of the expression of the author's "I" of a poet-playwright. The processes of genre evolution and transformation, the creation of original author's genre forms and formations, the special "mythopoetic language" of the writer are also examined as one of the means of expressing the author's consciousness.

Key words and phrases: Yakut dramaturgy; author's problem; dramaturgy of poet; mythopoetics; author's genre forms; variability of text; I. M. Gogolev.

УДК 821.161.1

Статья посвящена произведению архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» и другие рассказы», анализ которого впервые основан на выявлении и исследовании специфики двух повествовательных уровней: биографического и церковно-метафизического. Первый уровень отражает сложный характер психологических и духовно-религиозных изменений человека, переступившего границу секулярного и церковного пространств. Вторым связан с анализом структуры монастырского мира и включает ряд микроуровней: старческий, монашеский, послушнический, начальственный. В результате автор статьи приходит к выводу, что оба пласта находятся в неразрывном единстве: погружаясь в мир православной общины, повествователь утрачивает сосредоточенность на собственных переживаниях и начинает воспринимать себя частью единого монастырского пространства. Важным фактором, скрепляющим биографический и церковно-метафизический уровни, становится двуплановость, свидетельствующая о психологических и метафизических конфликтах, возникающих в процессе перехода персонажей от секулярного образа жизни к религиозному.

Ключевые слова и фразы: православная проза; монастырская проза; биографический уровень; церковно-метафизический уровень; персонаж; двуплановость; архимандрит Тихон (Шевкунов).

Леонов Иван Сергеевич, к. филол. н., доцент
*Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, г. Москва
tamif.lis@rambler.ru*

ПОЭТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЯ АРХИМАНДРИТА ТИХОНА (ШЕВКУНОВА)
«НЕСВЯТЫЕ СВЯТЫЕ» И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ»

Цель настоящей работы – рассмотреть идейно-тематическое и художественное своеобразие книги архимандрита (в настоящее время – епископа) Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» и другие рассказы».

Вышедшая в 2011 году книга наместника московского Сретенского монастыря завоевала внимание читательской аудитории и ученых-филологов, о чем свидетельствует ряд научных публикаций, посвященных исследованию поэтики данного произведения. В этой связи вызывает интерес работа И. А. Казанцевой «Концепция мира и человека в современной прозе духовного реализма», в которой автор рассматривает книгу «Несвятые святые» в одном ряду с произведениями В. Крупина и О. Николаевой, отражающими религиозно-христианский вектор и опыт церковной жизни их авторов. По мнению исследователя, «в основе мировидения всех авторов, творчество которых объединено общим методом, представление о реальности благой вести, твердое убеждение в Промыслительности жизни, понимание необходимости соработничества человека и Бога, устремленность к спасению души» [2, с. 52]. К произведению «Несвятые святые» обращается М. С. Краснякова в диссертационном исследовании, в котором наряду с другими проблемами исследуется монастырский сюжет в русской литературе, в том числе и в творчестве современных авторов. По мнению ученого, монастырский локус тесным образом связан с реализацией мотива чуда, а точнее – чудесного преображения человеческой души: «Категория чудесного имеет совершенно особое значение для религиозного сознания, поскольку центральное место в нем занимает вера в сверхъестественную реальность, рассматриваемую как истинный мир по отношению к эмпирической действительности» [3, с. 103]. Исследуя содержательную специфику произведения, С. М. Червоненко концентрируется на способах создания образов монахов Псково-Печерского монастыря [7]. В работе А. Е. Мачеевой книга архимандрита Тихона рассматривается с позиции литературы нон-фикшн, «в которой органично сочетаются достоверность факта и его художественное представление» [4, с. 83].

Признавая значительный вклад литературоведов в исследование поэтики данной книги, представляется целесообразным предложить еще один вариант анализа, основанный на двух уровнях произведения: биографическом и церковно-метафизическом.

Своеобразной идейно-тематической доминантой книги, скрепляющей оба заявленных пласта, становится изображение встречи человека с Богом и кардинальных перемен, происходящих в сознании личности, вступающей на путь религиозного служения. Речь идет о постепенной трансформации внутреннего мира человека, его мировоззрения, психологических установок, привычек, что является следствием воздействия на него вновь открывшейся реальности – мира русского православия.

Биографический план связан с чередованием различных этапов жизни повествователя, включающих ключевые события, свидетельствующие о погружении молодого человека в мир Православной церкви: обращение к Евангелию, крещение, первое посещение Псково-Печерского монастыря, знакомство с отцом Иоанном (Крестьянкиным), принятие монашества, выбор храма для дальнейшего служения. Иными словами, на глазах читателя происходит постепенное превращение светского молодого человека, представителя столичной творческой интеллигенции, в монастырского послушника, а затем и в священнослужителя.

Если биографический план сосредотачивает внимание на внутреннем поиске повествователя, выраженном через событийную сторону его жизни, то метафизическая проекция имеет явно расширительное значение. В данном случае авторский взгляд направлен на изучение опыта церковной жизни, познание глубинных основ монашеского призвания. При этом в произведении раздвигаются пространственные и временные рамки: автор обращается к современным для него монастырским реалиям и, в первую очередь, к судьбам насельников, а также к истории обители в послевоенные десятилетия. Кроме того, отдельные главы книги повествуют о монахах и подвижниках, живущих за пределами Псковских Печор. Отдельно следует отметить выдержки из древних книг («Пролог»), содержащие поучительные рассказы из жизни христиан прошлого.

Исследуя отраженный в книге жизненный путь повествователя, представляется возможным выделить внутри него несколько знаковых этапов: а) до крещения; б) крещение; в) погружение в жизнь монашеской общины; г) принятие монашества и поиск пастырской миссии.

Ключевым моментом, возникшим на первом этапе, стала убежденность молодого человека и его студенческого окружения в ложном характере атеистического учения: «...мы пришли к твердому убеждению, что государство нас обманывает, навязывая не только свои грубые и нелепые трактовки истории и политики. Мы очень хорошо поняли, что по чьему-то могущественному указанию сделано все, чтобы отнять у нас даже возможность самим разобраться в вопросе о Боге и Церкви» [6, с. 9-10]. Таким образом, на первый план здесь выходит свойственный многим молодым людям критический взгляд на окружающую действительность, выраженный в сомнениях по отношению к «прописным истинам» и авторитетам, утверждающим идеологические постулаты советского времени. Наряду с внутренним протестом в душе повествователя возникает явный интерес к религиозному учению и церковной традиции: он обращается к Евангелию, посещает православные богослужения, однако их понимание вызывает у молодого человека большие затруднения. Очевидно, что на данном этапе его религиозный поиск носит рациональный характер. Юноша пытается осознать вопросы веры с помощью разума, обращается к опыту выдающихся деятелей прошлого: Канта, Гегеля, Достоевского, Ньютона, Менделеева и многих других.

Следующий этап, связанный с принятием крещения, расширяет для повествователя границы познания окружающей действительности и свидетельствует о том, что вера воспринимается им уже не только в рациональном, но и в иррациональном ключе. Об этом свидетельствует внутреннее состояние Георгия (мирское имя епископа Тихона): «Я вышел из храма и сразу почувствовал нечто особенное. Даже остатки гнетущей безысходности мрака начисто исчезли» [Там же, с. 19]. Это состояние понимается как необыкновенная близость человека к Богу, которая характерна для первых дней после принятия таинства.

Обновленное внутреннее состояние толкает юношу-неофита на поиск чуда, которое представляется ему как воздействие Бога на конкретные жизненные обстоятельства. Так, поспешив после крещения к своему учителю, но не застав его дома, Георгий обращается к Создателю со словами молитвы. В данном контексте представляется уместным вспомнить рассказ священника Александра Дьяченко «Начало», в котором повествователь рассуждает об особом состоянии человека, только что пришедшего к вере. При этом раскрывается тема близости Бога и человека, а также места и роли чуда в повседневной жизни: «Помню годы своего неопитства. Хорошее было время. Я только-только пришел в Церковь. Удивительное дело, как тогда все легко давалось! Какие-то трудности на работе? Помолись, и все наладится. Что? Автобус не ходит. Помолись, и он никуда не денется, придет. Проблем нет, все разрешается, словно по мановению волшебной палочки» [1, с. 189]. Очевидно, что для неопитства характерно условное восприятие границ земного и небесного, обыденного и сакрального.

Возвращаясь к книге «Несвятые святые», следует остановиться на этапе знакомства Георгия с монашеской жизнью, который раскрыт в произведении более глубоко и подробно, чем предшествующие. Он является достаточно протяженным по времени и включает несколько ключевых моментов: а) первое десятидневное посещение монастыря; б) частые паломничества в перерывах между светской работой; в) вступление в число послушников обители; г) вынужденный переезд в Москву. Необходимо обратить внимание на условный характер отмеченных периодов, что проявляется в расстановке авторских акцентов. Так, уделяя подробное внимание первому этапу, связанному с приобретением нового для себя опыта монастырской жизни, автор сообщает значительно меньше сведений о себе на втором и третьем отрезках монастырской жизни (исключение составляют рассказ о монастырских послушаниях и несколько знаковых эпизодов из жизни повествователя).

В этот период основное внимание автора сосредотачивается на судьбах насельников обители – носителей уникального опыта монашеской жизни. Таким образом, можно отметить, что биографическое начало в книге постепенно начинает уступать место церковно-метафизическому: погружаясь в реалии монастырской жизни, автор книги словно растворяется в ней, становится частью единого целого, где его собственная личность перестает играть роль своеобразной доминанты. Однако же индивидуальное начало усиливается в момент вынужденного прощания с обителью перед окончательным переездом в Москву: церковные иерархи переводят образованного послушника в издательский отдел Патриархии. На данном этапе сюжет разворачивается согласно схеме: *пророчество – решение – благословение*. Предсказание о судьбе Георгия, озвученное монахом Серафимом, способствует развитию в книге изначально заявленного мотива Божьего промысла: «Воля Божия! Не горюйте. Все к лучшему, вы сами это увидите и поймете» [6, с. 81].

Этап, обозначенный ранее как «принятие монашества и поиск пастырской миссии», включает два важнейших события из жизни повествователя: монашеский постриг и выбор храма для дальнейшего служения. Первое связано с длительным периодом ожидания и своеобразной духовной подготовкой будущего пастыря. Также здесь возникает мотив материнского благословения, которое последовало спустя девять лет после первого посещения автором Псково-Печерского монастыря. О самом обряде отец Тихон пишет достаточно лаконично, однако в кратком упоминании улавливается очередное обращение автора к теме промысла Божьего в жизни человека: «Так случилось, что наместник Донского монастыря архимандрит Агафодор два раза откладывал мой постриг из-за срочных отъездов по делам обители. Наконец он постриг меня в самый день моего рождения, когда мне исполнилось тридцать три года, да еще с именем Тихон – в честь моего любимого святого и покровителя Донского монастыря» [Там же, с. 64].

В некоторых произведениях современной православной литературы авторами-священнослужителями передается личный опыт вступления на путь церковного служения. Иногда писатели обращаются к собственной священнической или диаконской хиротонии, передают ощущения и мысли, возникающие во время совершения над ними таинства. Подобное можно встретить в рассказе священника Александра Дьяченко «Посвящение». В рассказе иерея Ярослава Шипова «Ужин у архиерея» повествуется о встрече рассказчика с епископом, во время которой было принято решение о рукоположении будущего священника. В книге архимандрита Тихона своеобразным рубежным этапом для повествователя становится не священническая хиротония, а монашеский постриг, что говорит об уникальном авторском подходе к освещению данной темы. Монастырский локус занимает одно из важнейших мест в произведении; наряду с Псково-Печерской обителью в тексте упоминаются и другие монастыри: Донской, Дивеевский, Сретенский, Троице-Сергиева лавра. На различных этапах развития сюжета произведения меняется и статус его автора, который проходит через все стадии монастырского служения: *паломник – послушник – монах – наместник*. Несмотря на то, что в книге в большей степени делается акцент на начальном этапе знакомства Георгия с монастырской жизнью, на котором повествователь предстает перед читателем в облике паломника или послушника, в ряде глав изображаются реалии жизни уже опытного наместника.

Важной особенностью каждого этапа знакомства молодого человека с верой и церковной традицией является своеобразная *двуплановость*, свидетельствующая о сложном в психологическом и метафизическом аспектах процессе перехода от секулярного образа жизни к религиозному. Специфика данного явления заключается в следующем: делая шаг навстречу Богу, человек одновременно поддается определенному импульсу, противоречащему основному стремлению. В данном случае можно говорить о возникновении в тексте мотива искушения, что с точки зрения христианского учения объясняется влиянием демонической силы на человека с целью воспрепятствовать его встрече с Богом. Так, на первом этапе поиск веры приводит Георгия и его друзей к занятиям оккультными практиками, что, с одной стороны, становится следствием их разочарования в материалистической картине мира, но с другой – противоречит церковному учению. Обозначенная двуплановость влияет на жизнь молодых людей противоречиво: она и уводит их от православия в мир «альтернативной духовности», и, вызывая в конечном итоге страх, становится стимулом для скорейшего принятия крещения. Подобная ситуация возникает с Георгием в день крещения. Находясь на границе секулярного и церковного миров, молодой человек пытается соединить противоречащие друг другу реалии: совершение таинства он отмечает со своим учителем, предварительно купив «бутылку “Столичной”, пару пачек сигарет» [Там же, с. 20], что диссонирует с призывом крестной не растерять полученную во время таинства благодать. В большей степени двуплановость проявляется в главах, посвященных пребыванию Георгия в Псково-Печерском монастыре в качестве паломника или послушника. На первый взгляд, это связано с непривычными для молодого человека реалиями монастырской жизни: ранние подъемы, строгая дисциплина, тяжелые послушания. Новая реальность, кардинально отличающаяся от столичной жизни, вызывает у Георгия глубокий внутренний протест, а также желание уехать. Наряду с этим повествователь отмечает красоту монастырского богослужения, особую доброжелательную атмосферу, царящую в обители. В итоге желание вернуться домой сопровождается стойким ощущением, что привычный для него мир изменился, перестал быть таким, как раньше. Двуплановость проявляется и на этапе монашеской жизни отца Тихона, а также во время поиска им места для осуществления пастырского служения. Сложные внутренние противоречия приводят молодого монаха к духовнику, советы которого помогают избавиться от духовного кризиса и определяют дальнейшую судьбу священнослужителя.

Таким образом, биографический пласт, отражающий духовный путь повествователя, можно схематично обозначить в виде формулы: *первые попытки религиозного поиска – принятие веры, глубокое погружение в церковную жизнь*. Эволюция внутреннего мира Георгия / отца Тихона предполагает наличие нескольких

этапов, каждый из которых демонстрирует своеобразную двуплановость, что свидетельствует о сложном процессе духовной эволюции человека.

Значительный интерес для исследователя представляет анализ церковно-метафизического пласта книги «Несвятые святые», связанного с глубоким погружением читателя в мир православной веры, раскрытием перед ним сути монашеского подвига и реалий монастырской жизни. Следует заметить, что если биографический аспект характеризуется взглядом повествователя «внутрь себя», анализом собственных мыслей и переживаний, возникающих под воздействием личного опыта воцерковления, то обращение к церковно-метафизическим реалиям предполагает, напротив, взгляд «извне», т.е. внимание к окружающей действительности. Особый акцент при этом делается на людях, либо имеющих богатый опыт пребывания в мире монастыря, либо прикоснувшихся к вере в одно и то же время с повествователем. Именно внимание к человеку, его личному опыту воцерковления и жизни в религиозной системе координат определяет глубинный смысл заглавия книги «Несвятые святые». Размышляя о феномене святости, архимандрит Тихон рассматривает понятие «святость» как в узком, так и в широком смысле: во-первых, речь идет об официально прославленных Церковью подвижниках; во-вторых – обо всех христианах, посещающих богослужение, которым посвящен литургический возглас «Святая святых». Таким образом, для авторской концепции архимандрита Тихона характерно широкое толкование термина «святость». По мнению современных исследователей Л. С. Неделиной и В. А. Черваневой, «для автора святость – это прежде всего качественная динамичная характеристика живого человека, а не его номинация» [5, с. 128], что «близко к пониманию святости в раннехристианские апостольские времена, а не к современному толкованию, где под святыми, как правило, понимаются уже прославленные люди» [Там же].

Для более детального рассмотрения церковно-метафизического повествовательного пласта книги «Несвятые святые» представляется целесообразным выделить несколько персонажных уровней, наиболее рельефно представленных в произведении архимандрита Тихона (Шевкунова). К ним относятся: а) старческий; б) монашеский; в) послушнический; в) начальственный.

Феномен старчества – уникальное явление, тесно связанное с традициями мирового православия. В отличие от обычных священников и даже опытных духовников, считается, что старцы обладают особым даром понимания промысла Божьего и судеб людей. Размышляя об архимандрите Иоанне (Крестьянкине), чья фигура является центральной в книге «Несвятые святые», автор отмечает: «...отец Иоанн на самом деле – один из очень немногих людей на земле, для которых раздвигаются границы пространства и времени, и Господь дает им видеть прошлое и будущее, как настоящее» [6, с. 40].

Следует отметить, что при изображении отца Иоанна автор использует прием контраста, желая подчеркнуть, что в пожилом монахе человеческое начало, проявляющееся в быту, соседствует с особой внутренней устремленностью к Богу. Так, при первом изображении архимандрита автор отмечает «приземленность» облика знаменитого старца, что приводит к его своеобразной десакрализации: «Тогда, кажется, он не произвел на меня особого впечатления: такой очень добрый старичок, весьма крепкий... вечно куда-то спешащий, даже суетливый, неизменно окруженный толпой паломников. Другие насельники монастыря выглядели гораздо строго-аскетичнее и даже солиднее» [Там же, с. 39].

Однако подлинное раскрытие образа старца происходит через изображение событий, связанных как с самим повествователем, так и с другими персонажами, входящими в круг духовных чад отца Иоанна. В этом смысле показательным является пророчество священника о судьбах «московской купчихи» Валентины Коноваловой, юноши Валерия из Чистополя, а также о пастырском пути автора произведения. Последний пример вызывает особый интерес: во время беседы отца Иоанна со своим духовным сыном используется прием контрастного изображения пожилого монаха, облик которого на определенном этапе претерпевает изменения: «Вдруг к нам подошел отец Иоанн. Мы расстались с ним полчаса назад, но тут он показался мне каким-то необычным – сосредоточенно-строгим... Потом, обратившись ко мне, он произнес: – А теперь слушай волю Божию...» [Там же, с. 49-50].

Пророческие черты обнаруживаются также в образах других монахов, при изображении которых также используется прием контраста. Так, в поведении монастырского казначея Нафанаила подчеркивается чрезмерная скупость (в одном из эпизодов автор сравнивает его с гоголевским Плюшкиным), отмечается строгий нрав архимандрита Серафима, погруженность в себя и необщительность схиигумена Мельхиседека. В то же время перед читателем выстраивается галерея носителей особого духовного опыта, необъяснимого с точки зрения рациональной логики. Внешне специфические свойства этих людей проявляются через возможность узнавать мысли и стремления окружающих, предсказывать будущее, давать советы, способные положительно образом повлиять на дальнейшую судьбу человека. Однако на более глубоком уровне у читателя возникает понимание, что в основе указанных чудесных свойств лежат любовь, смирение и покаяние, которые и составляют важнейшую основу монашеского подвига.

Подобная двойственность часто сопровождается созданием «ложного имиджа» того или иного монаха, который формируется в сознании неопытных послушников или паломников. Формирование данного имиджа основано на внимании к отдельным бросающимся в глаза особенностям поведения или характера, которые чаще всего носят отталкивающий характер и вызывают непонимание и недоверие у окружающих. Подобная ситуация изображается в главе «Смерть «стукача»», в которой повествуется о пожилым схимнике Киприане и изначально несправедливом отношении к нему монастырских насельников. Сформированный в сознании послушников образ монаха-доносчика резко контрастирует с иррациональными проявлениями, наблюдающимися в поведении отца Киприана незадолго до смерти: речь идет о его способности предсказывать будущие события, в чем автор

книги убеждается на собственном опыте и объясняет это особым состоянием праведника, находящегося при смерти, т.е. на границе земного и небесного миров. Устремленность к Богу умирающего монаха подчеркивается также с помощью портретной характеристики: «Но отец Киприан, глядя на нас добрыми глазами угасающего человека, только улыбался и повторял: – Господь благословит вас, деточки мои!» [Там же, с. 387].

Рассматривая монашеский персонажный уровень произведения «Несвятые святые», следует отметить ряд его закономерностей. Во-первых, в данном случае речь идет, как правило, о молодых монахах, чей опыт церковной жизни аналогичен (или отчасти близок) подобному опыту повествователя. Если отношение автора книги к старцам можно рассматривать в виде своеобразной вертикали, где пожилые духовники занимают явно высшую позицию, то монашеский уровень представляет собой горизонталь, внутри которой общение проходит «на равных». Во-вторых, в изображенных в произведении монахах сочетаются как глубокое погружение в мир веры, так и чисто человеческие черты, связанные с привычками, сформированными до принятия пострига, что делает их образы жизненными, правдоподобными, лишает статичности. Так, размышляя об иеромонахе Рафаиле, автор отмечает: «Когда отец Рафаил был столь решительно и властно изъят из своей прежней жизни, он с радостью отдал Богу все – и обычное человеческое счастье, и радости жизни, и карьеру, и даже свою буйную волю. Но только с одним он так и не смог расстаться... <...> Это звучит смешотворно, но отец Рафаил не смог преодолеть одного – своей страсти к скорости!» [Там же, с. 556]. К подобным человеческим проявлениям можно отнести и привычку бывшего политзаключенного дьякона Виктора использовать в своей речи тюремную лексику.

В-третьих, жизненный путь иноков во всех своих проявлениях (взлетах и падениях) является иллюстрацией действия промысла Божьего; каждую ситуацию автор воспринимает как своеобразный духовный урок, раскрывающий волю Творца по отношению к человеку. Так, преждевременная и отчасти нелепая гибель отца Рафаила за рулем собственного автомобиля наталкивает повествователя на следующие размышления: «Если человек чего-то очень настойчиво хочет, причем во вред себе, Господь долго и терпеливо, через людей и новые обстоятельства жизни, отводит его от ненужной, пагубной цели. Но когда мы неуклонно упорствуем, Господь отходит и попускает свершиться тому, что выбирает наша слепая и немощная свобода» [Там же, с. 630].

Наиболее близким к монашескому можно считать послушнический персонажный уровень, объединяющий образы молодых людей, недавно открывших для себя мир веры и знакомящихся с азами церковной жизни. В предисловии к книге автор отмечает, что приход в монастырь для него и его товарищей – молодых людей начала 1980-х годов – был неожиданным и выбивался из привычного жизненного сценария представителей советской молодежи: «Еще год назад все мы были убеждены, что в монастырь в наше время идут либо фанатики, либо безнадежно несостоявшиеся в жизни люди» [Там же, с. 5].

К общим для многих послушников чертам следует отнести свойственную молодости решительность, целеустремленность, категоричность, которая может вызывать удивление и недоверие даже у сверстников, имеющих незначительный опыт монастырской жизни. Отдельные персонажи испытывают на себе воздействие представителей старшего поколения; конфликт отцов и детей чаще всего является неизбежным. В отдельном случае упоминается о подобном конфликте, где представители поколений меняются ролями: рассерженные дети приезжают в монастырь, чтобы забрать домой своего отца, ставшего послушником.

Обозначенная выше двуплановость также характерна для молодых послушников, которые, с одной стороны, стремятся жить согласно уставу обители, а с другой – в отдельных случаях пытаются обойти некоторые строгие законы монастырской жизни, что вызвано чисто человеческими желаниями.

И наконец, начальственный уровень, включающий изображение церковных администраторов (архиереев и наместников), также содержит в своей основе двуплановость. В данной работе основное внимание будет сосредоточено на двух наместниках Псково-Печерского монастыря: архимандритах Алипии и Гаврииле.

Миссия обоих монахов заключалась в сохранении монастыря в 60-80-е годы XX века, отмеченные наиболее агрессивным настроением государства по отношению к институту Церкви. В этом смысле большее количество испытаний выпало на долю отца Алипия, которого автор книги называет «Великим наместником». В его образе сочетаются черты как солдата, прошедшего войну, так и духовного воина, отстаивавшего монастырь и право его насельников на выбранный ими образ жизни. Размышляя о судьбе архимандрита, автор пишет: «...четыре года воевал на фронтах Великой Отечественной и прошел путь от Москвы до Берлина. А потом еще тринадцать лет держал оборону Псково-Печерского монастыря, защищая его от государства, за которое когда-то проливал кровь» [Там же, с. 189].

Специфическим приемом создания образа монаха следует считать особенности его именованности. Наряду с его монашеским именем – Алипий – автор довольно часто использует мирское – Иван Михайлович Воронин. Подобная двойственность возникает для того, чтобы показать связь между земными и духовными битвами, через которые прошел этот человек. Имя «Иван» указывает на фронтовое прошлое будущего наместника; «Алипий» – определяет его как духовного воина. Следует отметить, что в разговорах с представителями власти, желающими нанести ущерб монастырю, архимандрит часто называет себя Иваном.

Изображение отца Алипия носит двуплановый характер. Наряду с духовным потенциалом и высоким уровнем внутренней культуры автор подчеркивает чисто человеческие качества монаха, желающего любой ценой отстаивать право монастыря на существование и не пренебрегающего в этих целях достаточно резкими, порой эпатажными методами (выпас коров на территории монастыря, грубый ответ министру культуры Е. Фурцевой, совершение крестного хода на избирательный участок и т.д.).

Более отчетливо подобная двуплановость проявляется при изображении другого наместника Псково-Печерского монастыря – архимандрита Гавриила. Раскрытие его образа соответствует модели *грех – покаяние*, при этом речь идет не о единичном нравственном падении и возрождении, а о постоянной борьбе священнослужителя со своим характером. Изображая отдельные эпизоды, связанные с излишне суровым поведением отца Гавриила, автор избегает осуждения и иных категоричных оценок, видя в этом проявление необходимой (хоть и своеобразно понимаемой) заботы о судьбе монастыря, а также попытку соблюсти определенную стабильность в отношениях с атеистической властью.

Наиболее глубоко внутренний драматизм личности отца Гавриила раскрывается в моменты искреннего покаяния, после совершенных проступков, на первый взгляд, несовместимых с саном священнослужителя. Речь идет о реакции на протестный уход из монастыря десяти насельников, а также о конфликте ставшего епископом Гавриила с духовенством вверенной ему епархии. В обоих случаях повествователь указывает на глубокий характер покаяния монаха, полное принятие им наказания, подлинное смирение (о последнем свидетельствует тот факт, что, будучи смещенным с архиерейской кафедры, епископ трудился на огородах у собственных прихожан). Внутренний настрой священнослужителя достаточно глубоко характеризует следующая фраза, сказанная им спустя годы после понесенного наказания: «Самыми счастливыми были годы, которые я жил в запрещении. Никогда в моей жизни Господь не был так близко! <...> Но та молитва, а главное, та близость Христа, которые я пережил на моих огородах, не сравнимы ни с чем» [Там же, с. 185].

Таким образом, в работе была предпринята попытка анализа произведения ««Несвятые святые» и другие рассказы» с позиции единства биографического и церковно-метафизического факторов. Важнейшая роль на обоих уровнях принадлежит приему двупланового изображения, примененного к образу повествователя и к другим персонажам книги. С его помощью раскрыты тонкие грани человеческой души, сочетающей как устремленность к Высшему миру, так и чисто земные проявления. Это позволяет автору изобразить героев живо и правдоподобно, выявляя их ключевые психологические особенности и духовные противоречия.

Список источников

1. Дьяченко А., священник. Плачущий ангел: рассказы и очерки. М.: Никея, 2010. 256 с.
2. Казанцева И. А. Концепция мира и человека в современной прозе духовного реализма // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 1. С. 52-59.
3. Краснякова М. С. Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов: дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2016. 206 с.
4. Мачева А. Е. К вопросу о духовной прозе как литературе нон-фикшн // Грани познания. 2015. № 3 (37). С. 82-84.
5. Неделина Л. С., Черванева В. А. Интерпретация понятия «святость» в произведении архимандрита Тихона (Шевкунова) ««Несвятые святые» и другие рассказы» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (268). С. 126-128.
6. Тихон (Шевкунов), архимандрит. «Несвятые святые» и другие рассказы. М.: Изд-во Сретенского монастыря; ОЛМА Медиа Групп, 2012. 640 с.
7. Червоненко С. М. Образ монаха в современной прозе малых жанров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2013. № 1. С. 54-58.

POETICS OF THE BOOK “EVERYDAY SAINTS AND OTHER STORIES” BY ARCHIMANDRITE TIKHON (SHEVKUNOV)

Leonov Ivan Sergeevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow
mamif.lis@rambler.ru

The article is devoted to Archimandrite Tikhon (Shevkunov)'s book “Everyday Saints and Other Stories” the analysis of which for the first time involves identifying and examining the specificity of two narrative levels: biographical and ecclesiastical-metaphysical. The first level represents the complicated nature of psychological and spiritual-religious transformations of a human who overstepped the border of secular and ecclesiastical spaces. The second level involves the analysis of monastic world structure and includes some micro-levels: elders, monks, novices, authorities. The author concludes that both layers are closely connected: submerging himself into the world of Orthodox community the narrator stops focusing on his own feelings and begins to perceive himself as a part of integrated monastic space. An important factor combining together biographical and ecclesiastical-metaphysical levels is two-aspectedness indicating psychological and metaphysical conflicts arising in the process of personages' transition from secular lifestyle to religious.

Key words and phrases: Orthodox prose; monastic prose; biographical level; ecclesiastical-metaphysical level; personage; two-aspectedness; Archimandrite Tikhon (Shevkunov).